

УРОВНИ ЖИЗНИ

ДЖУЛИАН ИСКРЕННЯЯ, ПРОЗИТЕЛЬНАЯ КНИГА
ОТ БУКЕРОВСКОГО ЛАУРЕАТА
ДЖУЛИАНА БАРНСА.
БАРНС

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Джулиан Барнс
Уровни жизни
Серия «Интеллектуальный бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6713767
Джулиан Барнс. Уровни жизни: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-68932-3
Оригинал: Julian Barnes, "Levels of Life"
Перевод:
Елена Серафимовна Петрова

Аннотация

Новая книга Джулиана Барнса, написанная сразу после смерти его любимой жены, поражает своей откровенностью. Каждый из нас кого-то теряет: мы ссоримся с друзьями, расстаемся с любимыми. Эта боль остается с нами навечно, но с годами она притупляется. Однако бывают потери другие – необратимые, когда точно знаешь, что в земной жизни больше человека не увидишь.

Что чувствует тот, кто пережил потерю? Ведь оставшемуся надо продолжать жить...

Содержание

Грех высоты	5
На уровне	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Джулиан Барнс Уровни жизни

«Уровни жизни» – в высшей степени талантливое произведение и одновременно – пронзительный путеводитель по земле потерь.
Sunday Times

Эта книга – редкая по искренности и честности, удивительная история любви и страдания. Прочитать ее – счастье.
The Times

Любой, кто любил и страдал от потери или просто страдал, должен прочитать эту книгу и перечитывать ее еще и еще.
Independent

Удивительно, как Барнсу удалось показать на страницах этой книги, что значит жить в нашем мире.
Guardian

Грех высоты

Соединить две сущности, которые никто прежде не соединял. И мир изменится. Пусть люди не сразу это заметят – неважно. Мир уже стал другим.

Фред Бёрнаби, полковник Королевской конной гвардии, член совета Общества воздухоплавания, взлетел с территории газового завода в Дувре 23 марта 1882 года и приземлился на полпути между Дьеппом и Нефшателем.

За четыре года до него Сара Бернар взлетела из центра Парижа и приземлилась близ Эмеренвиля, что в департаменте Сена и Марна.

А еще раньше, 18 октября 1863 года, с Марсова поля в Париже начал свой полет Феликс Турнашон; в течение семнадцати часов его отнесло штормовым ветром к востоку; Турнашон разбился у железнодорожных путей близ Ганновера.

Фред Бёрнаби совершал полет в одиночку, на красном с желтым воздушном шаре под названием «Эклипс». Гондола имела пять футов в длину, три фута в ширину и три в высоту. Бёрнаби, весивший более ста килограммов, надел в полет полосатое пальто и плотную шапку, а вокруг шеи повязал платок для защиты от прямых солнечных лучей. С собой он взял два бутерброда с говядиной, бутылку минеральной воды «Аполлинарис», барометр для замера высоты, термометр, компас и запас сигар.

Сара Бернар отправилась в полет на оранжевом воздушном шаре под названием «Донья Соль» сразу после выступления на сцене «Комеди франсез». Актрису сопровождали ее возлюбленный, художник Жорж Клерэн, и некий профессиональный воздухоплаватель. В половине седьмого вечера она исполнила роль заботливой хозяйки, приготовив тартинки с фуа-гра. Воздухоплаватель откупорил шампанское, салютовав пробкой небу. Бернар пила из серебряного кубка. Закусили апельсинами, выкинули пустую бутылку в одно из озер Венсенского леса. А потом, в упоении от собственного превосходства, недолго думая весело сбросили балласт на каких-то зевак: одну часть – на семейство туристов-англичан, поднявшихся на галерею Июльской колонны, а другую – на участников загородного свадебного пикника.

Турнашон с восьмеркой сопровождающих полетел на аэростате своей тщеславной мечты: «Я сделаю воздушный шар – Запредельный Шар – невообразимой величины, в двадцать раз больше самого большого». Своему аэростату он дал название «Гигант». С 1863 по 1867 год «Гигант» совершил пять полетов. Во время второго полета, о котором идет речь, среди пассажиров находились жена Турнашона Эрнестина, братья-аэронавты Луи и Жюль Годар, а также один из потомков рода Монгольфье, стоявшего у истоков воздухоплавания. Свидетельств о взятой в полет провизии не сохранилось.

Таковы были представители воздухоплавательных классов своего времени: восторженный любитель-англичанин, ничуть не обижавшийся на прозвище «Баллунатик» и готовый втиснуться куда угодно, лишь бы оторваться от земли, самая знаменитая актриса эпохи, совершившая полет на воздушном шаре в целях саморекламы, и профессиональный аэронавт, для которого запуск «Гиганта» стал коммерческим предприятием. Первый полет аэростата привлек двести тысяч зрителей, а каждый из тринадцати пассажиров заплатил по тысяче франков. В корзине воздушного судна, более напоминавшей плетеный двухэтажный дом, размещались кровати, буфетная, латрина, фотостудия и даже типография для мгновенной печати памятных буклетов.

За всеми этими начинаниями стояли братья Годар. Они сконструировали и сами изготовили «Гигант», который после первых двух полетов доставили в Лондон и продемонстрировали на всемирной выставке в «Кристал-паласе». Вскоре третий брат, Эжен, создал аэростат еще большего размера, дважды поднявшийся в воздух с территории Креморнского сада.

По объему творение Эжена вдвое превосходило «Гигант», а топка, работавшая на соломе, весила, вместе с трубой, около полутонны. В свой первый полет над Лондоном Эжен согласился взять одного пассажира-англичанина, получив с него плату в пять фунтов. Этим человеком был Фред Бёрнаби.

Воздухоплаватели как нельзя лучше соответствовали национальным стереотипам. Умиротворенный Бёрнаби в полете над Ла-Маншем, «невзирая на выбросы газа», покуривает сигару, чтобы лучше думалось. Когда с двух французских траулеров ему дают сигнал к приземлению, он в ответ «не без умысла бросает вниз свежий номер «Таймс», тем самым, видимо, намекая, что бывалый английский офицер премного благодарен господам французам, но с легкостью обойдется без посторонней помощи. Сара Бернар признается, что всегда тяготела к воздухоплаванию по складу характера, потому что «мечтательная натура постоянно уносила ее в заоблачные выси». Во время своего краткого полета она довольствовалась легким креслом с плетеным сиденьем. Повествуя в печати о своем приключении, Бернар эксцентрично ведет рассказ от лица этого кресла.

Спускаясь с небес, аэронавт высматривает ровную площадку для приземления, дергает за шнур клапана, выбрасывает якорь и, как правило, опять взмывает метров на двенадцать-пятнадцать в воздух, пока лапы якоря не зацепились за землю. К аэростату сбегается местное население. Когда Фред Бёрнаби приземлился неподалеку от Шато де Монтины, один любознательный пейзаж сунул голову в полусдвинувшийся резервуар для газа и едва не задохнулся. Местные жители охотно помогли опустить и сложить воздушный шар, и Бёрнаби счел, что сельские бедняки-французы куда добрее и обходительнее своих английских собратьев. Выделив им за труды полсовершенна, он педантично указал курс обмена, действительно на момент его вылета из Дувра. Гостеприимный фермер, мсье Бартелеми Деланрэ, пригласил воздухоплавателя к себе на ночлег. Ночлегу, кстати, предшествовал ужин, поданный мадам Деланрэ: омлет с луком, соте из голубя с каштанами, овощи, нефшетельский сыр, сидр, бутылка бордо, кофе. После ужина прибыл сельский доктор, а за ним – и мясник с бутылкой шампанского. Устроившись с сигарой у камина, Бёрнаби порассуждал о том, насколько «в Нормандии приземление воздушного шара благоприятнее, нежели в Эссексе».

Близ Эмеренвиля крестьяне, которые бросились вдогонку за снижавшимся воздушным шаром, с изумлением увидели, что в нем находится женщина. Сара Бернар привыкла эффектно появляться на публике – случилось ли ей производить более грандиозный фурор, чем в тот раз? Ее, конечно, узнали. Не чуждые драматизма селяне поведали ей о кровавом убийстве, совершенном незадолго до этого на том самом месте, где она восседала (в своем излюбленном кресле для прослушивания и бесед). Вскоре пошел дождь. Актриса, известная своей subtilité, пошутила, что даже не промокнет, потому как проскользнет между дождевыми каплями. Затем, после ритуальной раздачи актрисой чаевых, крестьяне проводили аэростат и его экипаж на эмеренвильский вокзал, как раз к последнему поезду на Париж.

Ни для кого не было секретом, сколь опасно воздухоплавание. Фред Бёрнаби вскоре после взлета чудом не разбился о трубу газового завода. «Донья Соль» незадолго до приземления едва не упала в лесу. Когда «Гигант» рухнул возле железнодорожного полотна, опытные братья Годар, не дожидаясь удара о землю, благоразумно выпрыгнули из корзины. Турнашон сломал ногу, а его жена получила травмы шеи и грудной клетки. Газовый аэростат мог взорваться, а тепловой, что неудивительно, – загореться. Каждый взлет и каждое приземление были сопряжены с риском. К тому же большой размер оболочки не гарантировал повышенной безопасности, как доказал эпизод с «Гигантом», а лишь увеличивал зависимость от капризов ветра. Первые аэронавты, пролетавшие над Ла-Маншем, надевали пробковые спасательные пояса на случай посадки на воду. Парашютов тогда не существовало. В августе 1786 года, на заре воздухоплавания, в Ньюкасле молодой человек упал с высоты нескольких

сот метров и разбился насмерть. Он был одним из тех, кто держал фалы управления клапаном; когда неожиданный порыв ветра сдвинул оболочку, его товарищи отпустили свои фалы, а он – нет, и его подбросило в воздух. Потом несчастный рухнул на землю. Как сказано у одного современного историка: «Ноги его от удара о землю вонзились по колено в цветочную клумбу, а разорванные внутренности вывалились наружу».

Аэронавты стали новыми аргонавтами, и приключения их тут же становились достоянием гласности. Полеты на воздушном шаре связывали город и деревню, Англию и Францию, Францию и Германию. Приземление вызывало лишь неподдельный интерес: аэростат не приносил ничего дурного. В Нормандии, у камина мсье Бартелеми Деланрэ, сельский доктор провозгласил тост за всемирное братство. Бёрнаби, подняв бокал, чокнулся со своими новыми друзьями. При этом, как истинный британец, он объяснил собравшимся преимущества монархии перед республикой. Что и говорить: председателем Британского общества воздухоплавания был его сиятельство герцог Аргайл, а тремя вице-президентами – его сиятельство герцог Сазерленд, достопочтенный граф Дафферин и достопочтенный лорд Ричард Гровенор, член парламента. Соответствующий орган во Франции, Общество аэронавтов, основанное Турнашоном, был куда более демократичным и интеллектуальным по составу. Его элиту составляли писатели и люди искусства: Жорж Санд, отец и сын Дюма, Оффенбах.

Воздухоплавание стало символом свободы – правда, свободы, ограниченной силами ветра и ненастья. Аэронавты зачастую не могли определить, движутся они или нет, набирают или теряют высоту. На первых порах они выбрасывали за борт определители уровня – пригоршни перьев, которые летели вверх, если шар опускался, или вниз, если он поднимался. Ко времени триумфа Бёрнаби эта технология усовершенствовалась: перья сменились обрывками газеты. Что касается перемещения в горизонтальной плоскости, Бёрнаби изобрел собственный спидометр, состоявший из маленького бумажного парашютика, прикрепленного к шелковой леске длиной в пятьдесят ярдов. Он выбрасывал парашютик за борт и засекал время разматывания лески. Семь секунд соответствовали скорости полета в двенадцать миль в час.

В течение первого столетия полетов предпринимались многочисленные попытки усовершенствовать непослушный шар с болтающейся под ним корзиной. Воздухоплаватели перепробовали рули и весла, педали и колеса, вращающиеся винтовые вентиляторы – все это почти не меняло дела. Бёрнаби считал, что ключевым моментом является форма: перспективным мыслился ему аэростат в виде трубки или сигары, приводимый в движение с помощью механизмов, что, в конечном счете, и подтвердилось. Однако все, будь то англичане или французы, ретрограды или новаторы, сходились на том, что будущее – за аппаратами тяжелее воздуха. При том, что имя Турнашона всегда связывалось с воздушными шарами, он также основал «Общество поощрения воздухоплавания посредством аппаратов тяжелее воздуха», первым секретарем которого стал Жюль Верн. Еще один энтузиаст аэронавтики, Виктор Гюго, заметил, что воздушный шар подобен прекрасному летящему облаку, хотя человечеству необходим эквивалент птицы – известного чуда борьбы с силой земного притяжения. Во Франции воздухоплавание было в основном делом сторонников общественного прогресса. Турнашон писал, что тремя важнейшими признаками современности являются «фотография, электричество и аэронавтика».

* * *

В начале были птицы, они летали; птиц сотворил Бог. Летали ангелы; ангелов сотворил Бог. У людей были длинные ноги и бескрылые спины; Бог сотворил их такими неспроста. Летать значило тягаться с Богом. Эта борьба оказалась долгой и обросла поучительными легендами. Взять хотя бы Симона Волхва. В лондонской Национальной галерее можно

увидеть алтарный образ работы Беноццо Гоццоли. За многие века предела этого памятника живописи была утрачена, но на одном из панно изображена история святого Петра, Симона Волхва и императора Нерона. Кудесник Симон снискал благосклонность Нерона и, чтобы ее закрепить, решил посрамить апостолов Петра и Павла. Миниатюрное произведение живописи рассказывает эту историю в трех частях. На заднем плане изображена деревянная башня, с которой Симон явил миру чудо – полет человека. Этот древнеримский воздухоплаватель, совершив вертикальный старт и подъем, устремляется к небесам: зрителю видна лишь нижняя кромка его зеленого плаща, тогда как остальная часть изображения обретаема верхним краем панно. Однако тайное ракетное топливо Симона противоположно: как физически, так и духовно его поддерживали бесы. На среднем плане изображен святой Петр, молящийся Богу и просящий Его лишить бесов силы. Теологические и воздухоплавательные результаты божественного вмешательства изображены на переднем плане: мертвый волхв, изо рта которого тонкой струйкой вытекает кровь после вынужденного жесткого приземления. Это кара за грех высоты.

Икар надумал тягаться с богом Солнца: его затея тоже не увенчалась успехом.

Самый первый подъем на шаре, наполненном водородом, совершил профессор физики Дж. А. С. Чарльз 1 декабря 1783 года. «Когда я почувствовал, что отрываюсь от земли, – сообщал он, – реакцией моей было не просто удовольствие, а *счастье*». Это было «морально-нравственное ощущение, – добавил он. – Я, образно говоря, слышал *поступь жизни*».

Нечто похожее испытали многие воздухоплаватели, даже Фред Бёрнаби, который сознательно воздерживался от восторгов. Находясь высоко над Ла-Маншем, он видит пар, поднимающийся из трубы пакетбота, что курсирует между Кале и Дувром, и размышляет над недавно обнародованными нелепыми и уродливыми планами постройки тоннеля под Ла-Маншем, а затем ненадолго предается морализаторству: «Приятно было вдыхать уютно легкий воздух, свободный от примесей, загрязняющих нижние слои атмосферы. Настроение у меня поднялось. Отрадно было на время оказаться в краю, где нет писем, почтовых отделений, тревог, а главное – телеграфа».

В гондоле аэростата «Донья Соль» «Божественная Сара» чувствует себя небожительницей. По ее наблюдениям, над облаками царит «не тишина, а тень тишины». Она считает, что аэростат – это символ абсолютной свободы; для широкой публики таким символом служила сама актриса. Феликс Турнашон описывает «молчаливые просторы приветливого и благодатного пространства, где человека не может настичь никакая людская сила или сила зла и где он будто впервые ощущает себя живым». В этом безмолвном моральном пространстве аэронавт ощущает здоровье тела и здоровье духа. Высота «уменьшает все предметы до их относительных пропорций и до Истины». Заботы, сожаление, отвращение становятся чуждыми: «Как легко уходят безразличие, презрение, забывчивость... и снисходит прощение».

Аэронавт был способен, не прибегая к магии, посещать пределы Бога и осваивать их. Совершая это, он обретал покой, не поддающийся осмыслению. Высота была моральным измерением, высота была измерением духовным. По мнению некоторых, высота была даже политическим измерением. Виктор Гюго прямо заявлял, что полеты аппаратов тяжелее воздуха приведут к демократии. Когда «Гигант» разбился неподалеку от Ганновера, Гюго предложил провести сбор средств. Турнашон гордо отказался, и поэт вместо этого сочинил открытое письмо во славу аэронавтики. Он описал прогулку по парижской авеню де л'Обзерватуар с астрономом Франсуа Араго, во время которой над их головами пролетел аэростат, стартовавший с Марсова поля. Гюго сказал тогда спутнику: «Вот парит яйцо, ожидающее птицу. А птица находится внутри и вскоре вылупится». Араго, схватив Гюго за руки, пылко ответил: «И в тот день Гео назовут Демосом!» Гюго одобрил это «глубокомысленное

замечание», подтвердив: «Гео станет Демосом». «В мире воцарится демократия... Человек станет птицей – и какой птицей! Мыслящей птицей! Орлом, наделенным душой!»

Это звучит напыщенно, утрированно. Воздухоплавание не привело к демократии (бюджетные авиалинии не в счет). Но воздухоплавание очистило грех высоты, известный также как грех самовозвышения. У кого теперь было право взирать на мир сверху вниз и задавать тон в его описании? Настала пора поближе присмотреться к Феликсу Турнашону.

Родился он в 1820 году, а умер в 1910-м. Это был высокий, голенастый человек с копной рыжих волос, страстный и неумный. Бодлер видел в нем «удивительное проявление жизненной силы»; казалось, порывы энергии и пламенные пряди Турнашона способны сами по себе поднять аэростат в воздух. Никто и никогда не упрекал его в благоразумии. Вот как поэт Жерар де Нерваль отрекомендовал его редактору журнала Альфонсу Карру: «Он весьма остроумен и весьма глуп». Впоследствии Шарль Филипон, редактор и близкий друг Турнашона, назвал его «остроумцем без тени рациональности... Его жизнь была, есть и будет хаотичной». Ведя богемный образ жизни, Турнашон при этом до самой свадьбы жил с овдовевшей матерью, а женившись, совмещал измены с супружеской любовью.

Журналист, карикатурист, фотограф, аэронавт, предприниматель и изобретатель, завязанный регистратор патентов и основатель компаний, Турнашон не уставал превозносить свои заслуги, а под старость еще и взялся писать не слишком достоверные мемуары. Сторонник общественного прогресса, он ненавидел Наполеона III и с угрюмым видом остался сидеть в корзине, когда император приехал засвидетельствовать старт «Гиганта». В качестве фотографа Турнашон отклонял заказы высшего света, предпочитая запечатлевать круги, в которых вращался сам; естественно, он не раз фотографировал Сару Бернар. Турнашон был активным членом первого французского общества защиты животных. Он имел привычку оскорблять полицейских непристойными звуками и порицал тюрьмы (в одну из которых когда-то угодил за долги), считая, что присяжные должны решать вопрос «Опасен ли он?», а не «Виновен ли он?». Турнашон устраивал грандиозные банкеты и славился гостеприимством; в 1874 году он предоставил свою студию на бульваре Капуцинов для первой выставки импрессионистов. Он собирался изобрести новый вид пороха. Он мечтал также о своего рода звуковой фотографии, которую называл акустическим дагерротипом. Во всем, что касалось денег, это был неисправимый мот.

Его распространенная лионская фамилия Турнашон была известна немногим. В богемных кругах его юности были приняты дружеские прозвища – например, с прибавлением суффикса «-дар». Поэтому он звался вначале Турнадаром, а затем просто Надаром. Именно «Надар» он подписывал свои литературные произведения и карикатуры, а также фотографии; под этим именем он в 1855 – 1870 годах снискал славу самого блестящего фотографа-портретиста своего времени. И под этим же именем он соединил осенью 1858 года две дотоле не сочетаемые сущности.

Фотография, подобно джазу, неожиданно стала видом современного искусства и очень быстро достигла технических высот. Покинув пределы фотоателье, она стала распространяться вширь. В 1851 году французское правительство учредило Гелиографическую миссию, которая направила пять фотографов во все регионы страны запечатлевать здания (и руины), составляющие национальное достояние. Двумя годами ранее именно французский фотограф первым заснял сфинкса и пирамиды. Однако Надара интересовало прежде всего не горизонтальное измерение, а вертикальное: высота и глубина. Выполненные им портреты превосходят работы его современников своей глубиной. Теорию фотографии, говорил он, можно усвоить за час, техникой можно овладеть за день, а вот чему невозможно научиться, так это чувству света, пониманию внутренней сущности позирующего и «психологическому аспекту фотографии – я не считаю это понятие чересчур амбициозным». С помощью беседы он создавал непринужденную обстановку, а для моделирования лица использовал лампы,

ширмы, зеркала и рефлекторы. Поэт Теодор де Банвилль считал Надара «романистом и карикатуристом, преследующим свою жертву». Делал эти психологические портреты романист, пришедший к заключению, что самые тщеславные персонажи фотографий – это актеры, а на втором месте – военные. Тот же романист в нем разглядел одно коренное различие между полами: когда сфотографированная супружеская пара возвращалась, чтобы ознакомиться со снимками, жена всегда вначале смотрела, как получился муж, и муж интересовался тем же. Людская самовлюбленность такова, заключил Надар, что при виде правдивого изображения большинство неизбежно испытывает разочарование.

Глубина – это моральное и психологическое измерение; вместе с тем глубина – измерение физическое.

Надар первым сфотографировал подземные парижские водостоки, сделав двадцать три снимка. Он также спускался в Катакомбы, мало чем отличавшиеся от сточных канав склепы, куда в восьмидесятые годы восемнадцатого века свезли кости после ликвидации кладбищ. Для этих снимков требовалась выдержка в восемнадцать минут. Мертвым, разумеется, все было нипочем, а вот живых пришлось имитировать: Надар задрапировал и обрядил манекены, отведя каждому особую роль – сторожа, упаковщика останков, рабочего с тележкой, груженной черепами и бедренными костями.

Теперь оставалась высота. Прежде несовместимые сущности, которые первым соединил Надар, – два из трех его символов современности: фотография и аэронавтика. Первым делом в гондоле воздушного шара требовалось оборудовать фотолабораторию, где темнота достигалась с помощью двойных штор, оранжевого и черного цвета, а внутри чуть поблескивала лампа. Новый метод влажной пластины состоял в том, чтобы покрыть стеклянную пластину коллодием, а затем придать ей фоточувствительность в растворе нитрата серебра. Но это был сложный процесс, требующий умения, поэтому Надара сопровождал специально обученный человек, занимавшийся подготовкой пластин. Съемка производилась фотокамерой марки «Дальмайер», со специальным горизонтальным затвором, который сконструировал и запатентовал сам Надар. Недалеко от Пти-Бисетра, к северу от Парижа, в один почти безветренный день осенью 1858 года эти двое мужчин поднялись в воздух на удерживаемом тросами воздушном шаре и сделали первый в мире снимок из поднебесья. Вернувшись на служивший им штаб-квартирой местный постоялый двор, они с трепетом проявили пластину.

На ней не оказалось ничего. Точнее, ничего, кроме черной копоты, без каких бы то ни было признаков изображения. Они вторично замахнулись на грех высоты, и снова тщетно; в третий раз тоже ничего не вышло.

Подозревая, что в ванночках могли содержаться примеси, они вновь и вновь фильтровали раствор, но все без толку. Заменили все химикаты, но и это не помогло. Время уходило, приближалась зима, а важный эксперимент не удавался. Но как-то раз, замечает Надар в своих мемуарах, он, сидя под яблоней (сходство с Ньютоном ставит правдоподобность этой истории под вопрос), вдруг понял, в чем дело. «Постоянные неудачи были обусловлены тем, что из горловины аэростата, всегда открытой во время подъема, выходил сероводород, попадавший в мои ванночки с серебром». Итак, в следующий раз, набрав необходимую высоту, он перекрыл газовый клапан, что само по себе было опасным шагом, так как грозило взрывом аэростата. На подготовленную пластину был сделан снимок, и после приземления Надар, вернувшись в ту же штаб-квартиру, был вознагражден пусть слабым, но различимым изображением трех зданий, оказавшихся под закрепленным воздушным шаром: фермерского дома, постоянного двора и жандармерии. На крыше дома виднелись два белых голубя, а в переулке стояла телега, и возница удивленно глазел на парившую в небе диковину.

Этот первый снимок не сохранился, кроме как в памяти Надара, а потом – и в нашем воображении; утеряны также все аналогичные снимки следующего десятилетия. Единствен-

ные изображения, сделанные с воздуха, относятся к 1868 году. Одно представляет собой восьмичастный многообъективный вид улиц, ведущих к Триумфальной арке; второе – вид коммуны Ле-Терн и Монмартра со стороны авеню Буа-де-Булонь (ныне авеню Фош).

Двадцать третьего октября 1858 года Надар законным порядком оформил патент № 38 509 на «Новую систему аэростатической фотографии». Но запатентованный процесс оказался технически сложным и коммерчески невыгодным. Обескураживало также отсутствие общественного интереса. Сам изобретатель представлял себе два практических применения «новой системы». Во-первых, это усовершенствование картографии: с воздушного шара можно за один раз нанести на карту миллион квадратных метров, или сто гектаров, а в течение дня – совершить десять таких съемок местности. Во-вторых, военная разведка: воздушный шар способен служить «передвижным церковным шпилем». Само по себе это не было новшеством: Французская революционная армия уже использовала воздушный шар в битве при Флерюсе в 1794 году, а экспедиционные войска Наполеона даже включали Корпус аэростатики, имевший в своем распоряжении четыре воздушных шара (уничтоженных Нельсоном в Абукирском заливе). Дополнительные возможности фотографии, очевидно, дали бы преимущества любому мало-мальски сведущему полководцу. Кто же первым ухватился за такую возможность? Не кто иной, как ненавистный Наполеон III: в 1859 году он предложил Надару пятьдесят тысяч франков за содействие в предстоящей войне с Австрией. Фотограф ответил отказом.

Что же касается применения патента в мирных целях, друг Надара, «весьма именитый полковник Лодессе», уверил его, что (по неустановленным причинам) воздушная картография «невозможна». Расстроенный, но, как всегда, неугомонный, Надар, оставив область аэрофотосъемки братьям Тиссандье, Жаку Дюкому и собственному сыну Полю Надару, двинулся вперед.

Он пошел дальше. Во время осады Парижа прусскими войсками учрежденная Надаром «Компания военных аэростатов» обеспечивала связь с внешним миром. С площади Сен-Пьер на Монмартре Надар отправлял в полет «осадные воздушные шары», один из них назывался «Виктор Гюго», другой – «Жорж Санд», перевозившие почту, реляции правительству Франции, а также бесстрашных аэронавтов. Первый рейс стартовал 23 сентября 1870 года и благополучно завершился в Нормандии; в почтовой сумке лежало письмо Надара лондонской «Таймс», которая пять дней спустя опубликовала его целиком, причем на французском языке. Это почтовое сообщение действовало на протяжении всей блокады; впрочем, некоторые воздушные шары были сбиты прусской армией и все они без исключения зависели от прихотей ветра. Один шар закончил свой путь в норвежском фьорде.

Фотограф пользовался широкой известностью: Виктор Гюго однажды надписал конверт одним-единственным словом «Надар», и тем не менее письмо дошло до адресата. В 1862 году Оноре Домье посвятил другу карикатуру-эстамп под названием «Надар поднимает фотографию на уровень искусства». Надар изображен склонившимся над фотокамерой в корзине аэростата над Парижем, все здания которого пестрят рекламой «PHOTOGRAPHIE». И если Искусство порой чуралось или боялось Фотографии, этой новоявленной дерзкой выскочки, то оно регулярно и с готовностью отдавало дань воздухоплаванию. Франческо Гварди изобразил воздушный шар, мирно парящий над Венецией; Эдуард Мане запечатлел «Гигант» (с Надаром на борту), совершающий свой последний старт от Дворца инвалидов в Париже. У живописцев, начиная с Гойи и кончая Таможенником Руссо, безмятежные дирижабли парят в безмятежном небе – этакая небесная пастораль.

Но самый поразительный образ воздухоплавания создал Одилон Редон, не согласный с такой трактовкой. Редон собственными глазами видел полет «Гиганта», а также приходил посмотреть на «Великий дирижабль-пленник» Анри Жиффара, пользовавшийся успехом у публики на Всемирных выставках 1867 и 1878 годов в Париже. Именно в 1878 году

Редон и создал рисунок углем, названный «Воздушный шар с глазом». На первый взгляд это не более чем остроумный художественный каламбур: над серым пространством реют слитые воедино шар и глаз. Глаз широко раскрыт; верхний край оболочки шара окаймляют ресницы. В гондоле виднеется условное изображение приплюснутой полукруглой формы: это макушка человеческой головы. Но весь тон этого образа нов и зловещ. Он чрезвычайно далек от избитых метафор воздухоплавания: свободы, духовного подъема, прогресса человечества. Вечно открытый глаз работы Редона внушает глубокую тревогу. Глаз небес; Божья камера слежения. А бесформенная голова наводит нас на мысль, что освоение пространства не очищает первопроходцев: мы просто переносим свою греховность в новое место.

Воздухоплавание и фотография как научные достижения несли практическую пользу обществу. И все же на раннем этапе их окутывала атмосфера таинственности и чуда. Те деревенские жители, что, вытаращив глаза, бежали за волочившимся по земле якорем дирижабля, с равной вероятностью могли ожидать появления и Симона Волхва, и Божественной Сары.

А фотография, видимо, ставила под угрозу нечто большее, чем самолюбие тех, кто позировал фотографу. Не только простолюдины из захолустья боялись, что фотокамера похитит их души. По воспоминаниям Надара, Бальзак исповедовал теорию личности, согласно которой сущность человека состоит из практически бесконечного множества спектральных слоев, наложенных друг на друга. Так вот, прославленный романист считал, что при «дагерровой операции» один из этих слоев отделяется и переносится в память магического аппарата. Утрачивался ли этот слой якобы навсегда или был способен к регенерации, этого Надар припомнить не смог; он лишь издевательски отмечал, что Бальзаку, отличавшемуся тучностью, не стоило слишком опасаться потери двух-трех спектральных слоев. Но такая теория – или фобия – была свойственна не одному Бальзаку. Ее разделяли его друзья-литераторы Готье и Нерваль, составлявшие вместе с ним, по определению Надара, «кабалистическое трио».

Феликс Турнашон был невероятно привязан к своей жене. Он вступил в брак с Эрнестиной в сентябре 1854 года. Этот внезапный союз удивил друзей жениха: невесте было восемнадцать лет, и происходила она из буржуазной семьи нормандских протестантов. Правда, за ней давали хорошее приданое; кроме того, женитьба подтолкнула Феликса уйти из-под материнского крыла. Однако при всех несуразностях этот брак оказался столь же нежным, сколь и прочным. Турнашон конфликтовал только со своим единственным братом и единственным сыном; оба были вычеркнуты (или вычеркнули сами себя) из его жизни. А Эрнестина всегда оставалась рядом. Если в его жизни и присутствовала хоть какая-то упорядоченность, то лишь благодаря стараниям жены. Даже во время крушения «Гиганта» близ Ганновера Эрнестина рядом с мужем. На ее средства было приобретено фотоателье; впоследствии фирма была переписана на нее.

В 1887 году, прослышав о пожаре в «Опера-Комик» и подумав, что в театре находился ее сын, Эрнестина перенесла удар. Феликс тут же вывез жену из Парижа в Сенарский лес, где у него было имение под названием «Эрмитаж». Там они провели следующие восемь лет. В 1893 году Эдмон де Гонкур так описал их быт в своем дневнике: «...вся жизнь сосредоточена вокруг мадам Надар, которая страдает расстройством речи и напоминает престарелую седую профессоршу. Она лежит, закутанная в небесно-голубой халат, подбитый розовым шелком. Надар, как заботливый фельдшер, постоянно рядом: поправляет на ней живописный халат, убирает с висков волосы, не скупится на касания и поглаживания».

Халат ее – *bleu de ciel*, цвета неба, куда они больше не поднимались. Оба теперь оказались привязаны к земле. В 1909 году, после пятидесяти пяти лет замужества, Эрнестина умерла. В тот же год Луи Блерио совершил перелет через Ла-Манш, окончательно подтвердив веру Надара в летательные аппараты тяжелее воздуха; воздухоплаватель телеграммой

поздравил летчика. Блерио поднимался в воздух, а Эрнестину в это время опускали в землю. Блерио был в полете, а Надар в это время остался без руля и без ветрил. Эрнестину он пережил совсем не намного: в марте 1910 года Надар скончался в окружении своих кошек и собак.

К этому времени мало кто вспоминал его достижение в Пти-Бисетре осенью 1858 года. Сохранившиеся аэростатические фотографии лишь с большой натяжкой можно назвать удовлетворительными: требуется немалое усилие, чтобы вообразить восторг, с каким они были встречены. Но снимки эти знаменуют переломный этап взросления мира. Впрочем, весьма вероятно, что это звучит слишком напыщенно и выдает желаемое за действительное. Весьма вероятно, что мир развивается не за счет продвижения к зрелости, а за счет поддержания вечного отрочества, способного к восторженным открытиям. И все же это был переломный этап процесса познания. Условное наскальное изображение человека, первое зеркало, развитие портретной живописи, наука фотографии – каждый из этих шагов позволял людям отчетливее и беспристрастнее разглядеть самих себя.

Если даже мир по большей части пребывал в неведении относительно событий в Пти-Бисетре, события уже не могли повернуть вспять, перемены уже не имели обратной силы. И грех высоты был смыт.

Прежде крестьянин, устремлявший взор в небеса, к обители Бога, страшился грома, града и Божьего гнева, возлагая надежды на солнце, радугу и Божье благоволение. Теперь настали времена, когда крестьянин, устремляя взор в небеса, видел вместо всего перечисленного не столь уж страшное явление полковника Фреда Бёрнаби с сигарой в одном кармане и мелочью на полсоверена в другом; явление Сары Бернар и ее автобиографического кресла; явление Феликса Турнашона в настоящем плетеном домике с буфетной, латриной и фотостудией.

Единственные дошедшие до нас аэростатические фотографии Надара датированы 1868 годом. Ровно век спустя, в декабре 1968-го, на Луну стартовала миссия «Аполлон-8». Накануне Рождества космический корабль облетел обратную сторону Луны и вышел на лунную орбиту. Астронавты первыми из представителей рода человеческого наблюдали явление, для которого потребовался новый термин: «восход Земли». Пилот лунного модуля Уильям Андерс с помощью специально адаптированной для этой цели фотокамеры «Хассельблад» сделал снимки двух третей земной поверхности на фоне ночного неба. На его фотографиях Земля с вуалью из перистых облаков, спиральями штормовых вихрей, ярко-синими морями и будто заржавленными континентами. Впоследствии генерал-майор Андерс размышлял: «Мне кажется, этот восход Земли был для каждого из нас как удар в солнечное сплетение... Мы оглядывались на свою планету, на то место, откуда мы произошли. Наша Земля казалась красочной, притягательной и хрупкой в сравнении с весьма грубой, изрезанной, разбитой, даже унылой лунной поверхностью. Думаю, всех поразило, что мы преодолели двести сорок тысяч миль, чтобы увидеть Луну, а смотреть хотелось только на Землю».

В свое время снимки Андерса воспринимались столь же тревожными, сколь и прекрасными; таковыми они остаются по сей день. Посмотреть на нас самих издали, внезапно сделать субъективное объективным – от этого недолго испытать психологический шок. Но эти две сущности первым соединил – пусть с высоты всего пары сотен метров, пусть в черно-белом изображении, пусть всего нескольких видов Парижа – не кто иной, как огнегривый Феликс Турнашон.

На уровне

Соединить две сущности, которые никто прежде не соединял: когда сработает, а когда и нет. Пилатр де Розье, первый человек, совершивший полет на воздушном шаре, наполненном горячим воздухом, рассчитывал также первым перелететь через Ла-Манш – из Франции в Англию. С этой целью он сконструировал аэростат с двумя баллонами: верхний наполнялся водородом для ускорения подъема, а нижний – для лучшей маневренности – горячим воздухом. Соединив эти две сущности, он дождался благоприятного ветра и 15 июня 1785 года стартовал из Па-де-Кале. Прекрасный новый аппарат быстро набрал высоту, но не дотянул даже до береговой линии, потому что в верхней части водородного баллона возникло пламя, и весь аэростат, на который возлагались такие надежды, вспыхнул, по словам одного очевидца, как небесный газовый фонарь, а потом рухнул на землю, погубив пилота и его помощника.

Соединить двух человек, которых никто прежде не соединял, – и мир, возможно, изменится, а возможно, и нет. Они могут рухнуть и загореться или загореться и рухнуть. Но порой – порой возникает нечто качественно новое, и тогда мир меняется. Вместе, при первом подъеме, давая первое оглушительное чувство подъема, они составляют нечто большее, чем по отдельности. Вместе они видят и дальше, и отчетливей. Естественно, любовь порой распределяется неравномерно; иное, по-видимому, случается редко. Проще говоря, как осажденные парижане в 1870 – 1871 годах получали ответы на свои письма? Можно запустить воздушный шар с площади Сен-Пьер и уповать, что он приземлится в каком-нибудь подходящем месте; однако никак нельзя уповать на то, что ветры, даже самые патриотичные, принесут его обратным рейсом на Монмартр. Какие только уловки для этого не предпринимались: например, ответную корреспонденцию помещали в большие металлические сферы и сплавляли вниз по течению в сторону города, чтобы там выловить их сетями. Более очевидное решение представляла собой голубиная почта; некий энтузиаст из Батиньоля предоставил в распоряжение властей свою голубятню: с каждым рейсом осадного стратостата можно было отправлять корзину с голубями, и птицы возвращались бы с письмами. Но, сравнив грузоподъемность аэростата и одного голубя, вы легко представите себе, сколько весит разочарование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.